

**ТВОРЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА АБАЯ)**

Бондаренко Ю.Я., Чепыга О.И.

В Послании Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева особое внимание уделено проблемам образования. И это не случайно, ведь образование закладывает основы будущего страны. Не случайно и то, что нынешние реформы образования вызывают острейшие дискуссии. Эти дискуссии и критический анализ инноваций, успехов и неудач в этой сфере, равно как и изыскание возможностей более продуманного и рационального использования сил педагогических коллективов, заслуживают особого анализа. Мы же сосредоточимся лишь на одном аспекте проблемы – творческом освоении национального наследия как составляющей современного образования в Казахстане.

На первый взгляд, тема эта может показаться избитой, даже несколько конъюнктурной. Но представляется, что это далеко не так. Глобализация социально-экономических процессов на нашей планете, с одной стороны, требует особого внимания к мировому опыту, в том числе и в сфере образования, а с другой – особого внимания к собственному культурному наследию. Дело в том, что если технические достижения развитых стран, такие, как компьютеризация, мобильная связь, новинки транспорта и т.д., при определенной инфраструктуре достаточно легко переносимы из одного региона в другой, то с культурными феноменами, к которым, бесспорно, относится и сфера образования и воспитания, все обстоит гораздо сложнее. Здесь даже освоение революционно нового может быть плодотворным лишь при учете собственных традиций и менталитета народонаселения той или иной страны.

Конечно, эти традиции не следует абсолютизировать, тем более идеализировать, превращать в ритуализированные формы, утрачивающие духовное содержание и воспитательную ценность. Не должно быть места и национальной кичливости. Однако творческое освоение наследия собственного народа не просто необходимость, но и постоянно возобновляющийся процесс, ибо и непосредственный народный опыт, и его квинтэссенция в трудах классиков требуют постоянного движения

мысли, неустанного сопоставления современных реалий, включающих как достижения, так и, увы, негатив, с размышлениями, болями и тревогами тех, кто за десятилетия, а то и века до нас с вами был озабочен судьбами своего народа.

В нашей статье социально-философский анализ проблемы смыкается с историей как таковой, этнопедагогикой, а в определенной мере, и с культурологией, и литературоведением. Вполне понятно, что народная педагогика, этнопедагогика в такой многонациональной и поликонфессиональной стране, как Казахстан, не может сводиться лишь к наследию одного народа, даже если он представляет собой титульную нацию. Но столь же очевидно, что в условиях многолетнего сосуществования достижения одного народа способны органически сочетаться с достижениями других народов и встающими перед ними проблемами. Не говоря уже о том, что сами педагогические задачи в огромной мере интернациональные. В свете этого сосредоточение внимания на духовном опыте народов Востока, и соответственно казахского народа, представляется вполне оправданным. Поскольку одной из сокровищниц такого опыта является творчество Абая, постольку вполне закономерно, что каждое новое поколение наших соотечественников будет обращаться к нему вновь и вновь, чтобы лучше осмыслить самого себя и собственное место в человеческой истории.

При этом хотелось бы обратить внимание, что такие люди, как Абай, Конфуций, Лао-цзы (многие из которых уже превратились в философско-художественные образы), оказываются интересными для нас не столько своей оригинальностью, неповторимостью, которые так усиленно культивирует современная западная цивилизация, сколько их способностью вобрать в себя, впитать настроения и помыслы многих иных людей. Представляется, что именно поэтому такие личности, как Абай, при всей своей индивидуальности были и остаются интересными для представителей самых разных народов, о чем, например, красноречи-

во свидетельствует книга «Абай», написанная живо и с душой, изданная в серии «ЖЗЛ» [1].

Существенно и то, что казахские просветители, помимо прочего, побуждают нас, нынешних, еще и критически взглянуть на самих себя, на неоднозначные процессы в нашей нынешней культуре и образовании. Интересный пример такого взгляда на их творчество дают, в частности, работы С.А. Колдыбаева [2] и ряда других современных исследователей. Большой интерес представляют и работы, акцентирующие внимание на глубинных истоках народной педагогической мысли. Среди таковых можно отметить монографию А.З. Измайлова «Народная педагогика: педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана» [3].

Показательными в работах упомянутых авторов являются поиски органической связи педагогики и собственно философии, которая на Востоке всегда была этически ориентированной. Иными словами, воспитательные аспекты восточной философии практически всегда были неразрывно связаны с размышлениями о мире, а размышления о мире, в свою очередь, замыкались на размышлениях о человеке, о том, как и для чего ему жить, какими ценностями ему руководствоваться. Вполне понятно, что это – черта не только восточной философии, но именно на Востоке она становится особенно наглядной. Яркий пример такой наглядности являет нам творчество Абая, побуждающее вновь и вновь задумываться не только над прошлым, но и над настоящим и глубинными проблемами нашего бытия, нисколько не утратившими своей остроты со времен Абая. Особенно показательны в этом плане знаменитые «Слова назидания» – очень искренние, откровенные и в этой своей откровенности личностно и в то же время надличностно человеческие – своеобразный сгусток боли и мысли, не приглаженной ни цензурой власти, ни цензурой обычая.

В одной короткой статье невозможно не только рассмотреть, но и просто упомянуть все основные философские моменты «Слов». Поэтому сосредоточимся лишь на нескольких. Наверно, естественно было бы начать с бунтарских размышлений Абая о глубинных основах земного человеческого бытия, размышлений, в которых невозможно было обойти проблему Бога и божественного отношения к нашему миру. Здесь, с одной стороны, размышляя над диалогами Сократа, Абай так

подытоживает сократовские мысли: «Если человек высшее творение Бога, то разве не означает это, что человек был удостоен его любви? Как же человеку, будь он даже самым великим ученым на земле, как же человеческому роду не быть благодарным Творцу и не считать себя вечным его должником?» [4, 77]. В самом цитировании ощущается дыхание древнего благоговения перед чудом жизни и не менее поразительным чудом существования собственно человека – феноменами, пленявшими воображение древних мыслителей – от Фалеса до Эпиктета и многих иных.

Но было бы слишком просто, если бы живший в XIX веке, наэлектризованной мыслью, не признававшей границ и абсолютных авторитетов, Абай остановился на этом. В размышлениях великого певца степи была и иная сторона, которую мы не вправе обойти сегодня, ибо эти размышления затрагивали вечные по сути вопросы теодицеи и самых острых моментов человеческого существования. «Эй, мусульмане! – восклицал он в своем двадцать восьмом Слове. – Почему так устроена жизнь, что одни богаты, другие бедны, одни больны, другие здоровы, одни умны, другие глупы, одни предрасположены к добру, другие, наоборот, склонны к злодеяниям?»

На это нам отвечают, что такова воля Аллаха. Но ведь мы приняли веру в его справедливость, непогрешимость и безупречность. «Как же так? Какого-то клятвопреступника Аллах наделяет скотом, а честного, усердного в молитвах труженика низвергает в бездну нищеты...

Какому-то вору или мошеннику он дает крепкое здоровье, а безвинного тихоню изводит тяжелым недугом.

Из двоих детей одних и тех же родителей одного Аллах создает умным, а другого – глупым...».

Казалось бы, выход может быть найден в том, что честных ожидает рай, а бесчестных ад. Но если «Аллах повелевает человеческой душой», то возникает вопрос, поэтически озвученный еще Омаром Хайямом: «За что называть бунтарем человека, если тот грешит лишь постольку, поскольку где-то в небесах приняты соответствующие решения?»

И здесь, в отличие от ироничного Хайяма, Абай ставит совершенно прямой вопрос: «Разве же это говорит о непогрешимости, милосердии и справедливости Всевышнего?»

И что же из всего этого следует? Вздох о том, что «когда в вере существует призрачность и некий обман», то невозможно не думать об этом; и следующий за ним жесткий вывод в духе Просвещения: «Значит, религия возникла там, где остановился разум!» И остается верить в то, что невозможно понять: «в то, что Ты, Аллах, создал плохое и хорошее, но не ты заставляешь людей совершать добро или зло; ты, Аллах, создал болезни, но не Ты заставляешь людей мучиться ими. Ты, Аллах, создал роскошь и нищету, но не Ты превращаешь людей в богачей или бедняков...» [4, 78-80].

Чему же учат нас, сегодняшних, эти слова Абая? Думается, вопрос не дает одного линейного ответа. Конечно, здесь совершенно логичным был бы атеистический или, по крайней мере, критический по отношению к религии вывод. И сделавший его имеет на это полное право. Но как же тогда быть с разговорами о возрождении религиозности и духовности, понимаемой подчас лишь в качестве составляющей все той же религиозности? Получается, что Абай без цензуры, Абай такой, как он есть, а не каким он почитается, сегодня неуместен? Думается, что такой вывод стал бы явным упрощением. Ведь Абай писал о религии своего времени. И хотя при этом совершенно сознательно коснулся вечных вопросов, он, тем не менее, не обязан отталкивать честных и одновременно думающих мусульман от ислама. Главное для нас то, что представляется более широким, чем конкретное отношение к религии (хотя и оно очень важно), – это смелость и самостоятельность размышлений. Воспитательная значимость такого рода рассуждений в том, что они становятся школой мысли, учат так же аналитически, так же вдумчиво подходить не только к вопросам собственно религии, но и к самым разнообразным проблемам уже наших дней.

Для самого же Абая, как мы видим, глубинные проблемы бытия были органично связаны с проблемами познания, но не отвлеченно понятыми в духе Канта, как проблемы, встающие перед неким человеком вообще, а видящиеся, прежде всего, как проблемы образования собственного народа. Он словно стремится растормошить свой народ горькими упреками, предостерегая и от самодовольного невежества, и от национального чванства; и при этом страстно призывает, не стесняясь

учиться у соседних народов и овладевать русским языком, позволяющим войти казахам его времени в мир передовой мировой культуры. «Нужно овладеть русским языком, – писал он в двадцать пятом «Слове». – У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа ... и избежать его пороков. Знать русский язык – значит открыть глаза в мир» [4, 66].

Думается, что в наши дни этот призыв дополнился бы мыслью о необходимости осваивать и английский как язык передовых технологий уже новой эпохи. Но заметьте: сам Абай не идеализирует русский народ, воспринимая его реалистически, он пишет, что, именно овладевая достижениями русской и, соответственно, мировой культуры, можно будет не повторять чужих ошибок и избежать чужих пороков. Иными словами, он вовсе не призывает к «обезьянничанью» и бездумному подражанию, а мечтает о творческом освоении мировых достижений в интересах собственного народа. И это не просто красивая лозунговая фраза. В условиях глобализма, выступающего в сфере культуры и быта в самых грубых, вестернизированных формах, сама мысль о необходимости учиться у других для того, чтобы совершенствоваться, тем самым сохранить самих себя, очень актуальна. Таким образом, мы видим, что эта грань творческого наследия Абая логично вплетается в требования уже наших дней. В то же время Абай мог бы и гордиться тем, что многие из молодых представителей его народа сегодня искренне тянутся к знаниям. Итак, с одной стороны, размышления Абая о значимости знаний оказываются актуальными в наши дни бурного научного и технологического развития, с другой – они, как и размышления иных просветителей, являются органичным продолжением тех многовековых традиций Востока, которые воспитывали пиетет к уму ученого и знаниям. Еще в XIV в. Рукниддин Авхиди писал: «Знание не тонет в воде, не горит в огне, его не может развеять даже ураганный ветер» [3, 58]. При этом замечательные мыслители Востока учили, что надо не просто копить знания, надо и передавать их другим. Не этим ли был озабочен и Абай, восклицавший: «Бесценны знания и ум»? [5, 6]. Ведь когда Абай в

традиционном для Востока ключе писал: «Лишь знанием жив человек, лишь знанием движется век, лишь знание – светоч сердец», он многозначительно добавлял: «Лишенный учеников учитель – горький вдовец» [5, 7].

Злободневными, особенно в условиях так называемого рынка, представляются и этические, а точнее, этико-социальные размышления Абая. Именно этико-социальные с акцентом на первой части понятия. Касаясь их сегодня, мы затрагиваем очень непростую проблему, уходящую своими корнями в глубокую древность и при этом требующую свежих, непредвзятых подходов. Не претендуя на ее решение, хотелось бы отметить, что в советское время акцент делался на классовости и, соответственно, порочности самих государственных механизмов в так называемом классовом обществе, их неспособности справедливо удовлетворять потребности всех его членов, следовательно, необходимости такой революции, которая привела бы к слому старого государственного аппарата и замене его новым, основанным на власти самих трудящихся. Не вдаваясь в дискуссии о сильных и слабых сторонах таких концепций, было бы интересно сосредоточиться на тех гранях проблемы, которые на протяжении столетий оказывались в центре внимания мыслителей Востока. Уже конфуцианцы тысячу лет назад стали настаивать на «исправлении имен», то есть на приведении в соответствие реальных дел с понятиями, титулами, оценками и идеалами: правитель должен быть правителем (что подразумевало заботу о народе), чиновник – чиновником, а не корыстолюбцем, использующим свою должность в личных целях, отец – отцом. Ранние даосы в своей реакции на социальную справедливость и неотделимые от цивилизации своего времени человеческие пороки дошли до отрицания основных плодов цивилизации и проповеди образа «естественного человека» и недеяния. О несоответствии реальных человеческих достоинств, заслуг и положения конкретных людей в обществе писали и более поздние дальневосточные мыслители и поэты. Накануне монгольского нашествия на Среднюю Азию с тревогой и болью писал об этом и знаменитый суфий Яссауи. Так что тема не нова. И уже это свидетельствует о том, что упрощенно-схематический «классовый подход» здесь недостаточен. Ведь эпохи и страны менялись, а значимость темы не

только сохранялась, но периодически оказывалась особенно явной. Не отвергая в целом и потенциала собственно «классового подхода», если только он несводим к плоским схемам, здесь хотелось бы выделить то, на чем сосредоточивались сами мыслители Востока и в их достойном ряду Абай. Это – не социальные структуры сами по себе, а прежде всего человек, его нравственные и интеллектуальные качества, которые не только не определяются внешностью, умением сплести красивые слова, но и способны утрачиваться при погоне за чинами, постами и богатством, когда некто стремится достичь и сохранять все это любой ценой. Здесь сами собой вспоминаются слова одного из представителей российского политического истеблишмента о том, что в Лужкове, отправленном в отставку по указу президента, «олигарх победил человека». Непосредственно Лужкова, как и сопряженную с его именем систему отношений, оценит история. Но здесь для нас существенен акцент на внутренней борьбе, в которой, увы, как многократно с горечью подмечали мыслители Востока, побеждало низменное в самом человеке, нередко усиливавшееся по мере того, как тот все больше отравлялся собственными властью и богатством. Иначе говоря, акцентируя внимание именно на нравственно-психологических аспектах социальных проблем, такие мыслители Востока, как Абай, полагали, что дело, прежде всего, в самих людях, а не элементах социальных структур, которые, для того чтобы достичь общего процветания, достаточно поменять по своему разумению. И богатства, и посты приходят и уходят. Поэтому-то главная задача отца, по Абаю, вырастить из сына человека, что для него невозможно без серьезного труда над самим собой. «Путь, который я предлагаю, – писал он, – исключает любовь к богатству. Не торопись женить и выделить сына в отдельную семью, а обучай его сперва в русской школе. /Сохраняя уважение к русской культуре, сегодня мы видим, что это выражение сегодня надо понимать не узко, буквально, а как призыв постигать достижения мировой культуры/. Пожертвуй всем своим имуществом, если это требуется для учебы. Ничего нельзя жалеть ради того, чтобы из сына вышел человек» [4, 68].

Но, лелея свои идеалы, Абай как подлинный поэт буквально кожей чувствовал болевые точки своего времени. Особенно остро

это передано в одном из стихотворений Абая 1886 г.: духовный кризис, поразивший многих из современников поэта, породил, по его убеждению, и серьезнейшие социальные проблемы:

«... Средь близких и дальних почти не найти,
Кто б не был причиною горестных мук.
Один – из-за выгод приятель тебе,
Споткнешься – покинет в неверной судьбе...»

Тот – низкий стяжатель, тот – взяточник, вор.
Для них твои цели и помыслы – вздор.
Пустые лукавцы, рабы суеты.
На ком остановишь с надеждою взор?

Трепещут за скот, за добро богачи...
Там стадо угнали, ограбили тут.
Ведь грабят кругом и воруют в ночи.

Торговлей не могут заняться купцы.
Бедняги не сводят с концами концы.
Поверишь на слово – не взыщешь потом.
Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон.
К злодеям, к ворам снисходителен он.
И множится зло, расцветая вокруг,
И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему,
Не внемлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе изменяют в твоём же дому.

На честного тысяча плутов кругом.
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распутство и пьянство повсюду царят...

Скандалы и распри мертвят, как зима...
К заслугам, к летам уважения нет.
Стяжатели вылезли гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет»
[5, 10 – 11].

Было бы нетрудно расценить написанное, как типичное старческое брюзжание о том, что мир становится хуже и безнравственнее, чем прежде. Хотя какая уж тут старость, если Абай родился в 1845 г., и, даже по древнегреческим, а не только по современным понятиям, в период написания стихов он достиг своего акме – расцвета? Можно, конечно, задуматься и над тяготами личной жизни поэта, и над тем, что у людей, осознающих свое значение и свой талант, характер может быть очень не простым. Анализ такого рода – дело биографов и психо-

логов. Мы же коснемся лишь того, что так роднит, казалось бы, столь уникальную эпоху жизни Абая с нашей собственной. Это время колоссальных перемен, неизбежно включающих и смену, а то и слом прежних ценностей, и нередко взлета наверх нуворишей и тех, кто, уже не будучи удерживаем прежними рамками, готов идти для достижения своих целей по головам других. Иными словами, это время крайне опасное. Не случайно царская Россия не выдержала стремительного движения вперед и рухнула, потерпев поражение сначала в русско-японской, а затем и в Первой мировой войне. Но, как мы видим, такого рода время полно не только рисков, но и динамики, без чего невозможно само существование человечества в определенные периоды его истории. И здесь сама способность смотреть на мир открытыми глазами, само видение более своего времени и его проблем крайне важны для неизбежного движения вперед. Более того, Абай не только обличал, но и звал учиться, постигать мир во всем его многообразии. И вот эта критичность ума в сочетании с готовностью творчески, без слепого подражания, но и без чванства воспринимать новое – важнейшая черта наследия Абая, которая делает его и нашим современником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Анастасьев Н. Абай. Тяжесть полета. – Москва: МГ, Астана: Фолиант, 2008. – 383 с.
- 2 Колдыбаев С.А. Чокан Валиханов и понятие «интеллигенция». – В кн.: Духовное наследие Ч. Валиханова и развитие идеи общественного прогресса в казахстанской и мировой науке. – Костанай, 2010. – С. 122 – 124.
- 3 Измайлов А.З. – М.: Педагогика, 1991. – 256 с.
- 4 Абай. Слова назидания. – Алма-Ата: Жалын, 1982.
- 5 Абай. Лирика. – Алма-Ата: Жалын, 1980. – 88 с.

Түйін

Мақалада атақты Абайдың шығармашылығының мысалында біздің бай мұрамыздың қазіргі қабылдану және оның педагогика саласында практикалық қолдану мүмкіншілігі көрсетілген.

Conclusion

The given article analyses how the examples from Abai's works give the possibility of the modern adaptation of our rich heritage and its practical use in Pedagogics.